● Концертная неделя

УЖЕ ДАВНО прошло то время, когда джаз был музыкальной диковинкой. Наравне с другими жанрами, выдержавшими испытание временем, он «прописан» на концертной эстраде со всеми отсюда вытекающими последствиями. Эстрада ко многому обязывает; так, принято считать, что эстрадное выступление немислимо без развлекательности, а тем самым и без привлекательности.

Сознательно лишив себя этих элементов, камерный джаз-оркестр Росконцерта под руководством Германа

произошло немало, но вдумчивый музыкант не освободил себя от им же поставленной задачи: под-джазовому импровизировать в русском стиле.

Программа «Каданса», привезенная им в Пермь, условно может быть разделена на собственно авторскую часть и на обработки музыкальных тем, созданных в самое разное время такими композиторами, как В. Юманс, Дж. Гершвин и Т. Монк.

Наблюдая за реакцией слушателей, среди которых посвященные в джазовые «тайн-

словами можно отозваться об игре Каплуна.

То, что некоторые музыканты играют по совместительству на флейтах и кубинских ударных инструментах, обогащает звучание оркестра, а его руководителю позволяет разнообразить сочетание темброво-динамических красок.

Композиции Лукьянова, вынесенные им на суд аудитории, можно и следует разделить на две, тематические группы. Одну из них образуют произведения, отдающие дань памяти ушедших: «Наш Дюк Эллингтон» и «Звуки памяти». Наименование первого говорит само за себя, второе — посвящено Д. Д. Шостаковичу. Несмотря на то, что

ДЖАЗ ДЛЯ ПОДГОТОВЛЕННЫХ

Лукьянова избрал путь наибольшего сопротивления. Как показали его выступления в Перми, столичный секстет «Каданс» поставил задачу сближения джаза с серьезной камерной музыкой, видя в слушателе равного себе партнера, не нуждающегося ни в том, чтобы конференсье ублажал его своими репризами, ни даже в том, чтобы программа в какой-то мере комментировалась.

Читатель согласится, что подобный эксперимент таит в себе много риска. Он мог бы попросту сорваться, если бы не высокий профессиональный уровень оркестрантов и — скажем, к чести пермской аудитории — не определенное желание слушателей до конца уяснить предложенную музыку, сколь сложен бы ни был ее язык.

Людам, следящим за развитием советского джаза, имя Германа Лукьянова издавна и хорошо известно. Еще в 1962 году основал он свое трио, сам взяв «на вооружение» (вот еще сознательное отягощение джазового времени!) флюгер-горн, малораспространенный вид крупномензурного корнета. Вскоре Лукьянов обратил на себя внимание как автор «Крестьянской свадьбы» — самобытной песни. По форме она интересна тем, что написана в виде рондо, до этого никогда не применявшегося в джазе; по содержанию — это один из первых удавшихся опытов ассимиляции фольклора и джаза.

С тех пор прошло шестнадцать лет. Лукьянов становится неоднократным лауреатом международных джазовых фестивалей Таллина и Праги, под его руководством теперь не трио, а секстет. Его произведения звучат не только по радио и с грампластинок, но и в концертном зале Дома композиторов. Изменений

составляли явное меньшинство, я обнаружил, что первоначальные настороженность и холодок вскоре сменились заинтересованной вовлеченностью и сопереживанием. Лед тронулся! И я, до того сам не слышавший темы Монка, осознал, что не обязательно знать подлинник, чтобы оценить мастерство обработки. «Суть не в том, что вы делаете, а как делаете», — не устал повторять один из основоположников негритянской оркестровой музыки Дж. Лунсфорд.

На том, как делает свою музыку секстет «Каданс», остановлюсь чуть подробнее. Лукьянов отчетливо сочетает бархатистость звука флюгергорна с виртуозным владением инструментом и неправдоподобно широким диапазоном. Сразу вслед за ним по мощи произведенного впечатления я бы поставил контрабасиста Валерия Кучинского. Его исполнительская изобретательность полностью реабилитировала контрабас, ныне ошибочно рассматриваемый как инструмент менее подвижный, чем вытесняющая его бас-гитара.

Опыт этих двух музыкантов «среднего призыва» органично дополняется искренней, увлеченной и в то же время высокотехничной игрой молодежи. Саксофонисты Ю. Юренков, П. Панов, пианист М. Окунь и ударник В. Каплун — все они бесспорно одаренные инструменталисты. Высокого признания заслуживает В. Каплун, достойно принявший эстафету от В. Василькова, с которым некогда начинал Лукьянов свой путь в джазе. Пресса писала тогда: «Это был настоящий пир барабанов, трудно было поверить, что играет один человек, а не целый ансамбль ударников!». Точно такими же

в них нет цитат, судить по этим двум опусам о Лукьянове-композиторе было бы ошибочно вследствие их эпифанзийного программно-замысла.

Гораздо раскованнее предстает Лукьянов в другой группе своих вполне самостоятельных сочинений — таких, как озорная песня «Белая ворона» или вдумчивая третья часть саксофонного квартета. Концерт завершила «Кубинская сюита» Лукьянова — произведение, которое не только наилучшим образом характеризует социальную отзывчивость композитора, но волшебной силой музыкального воздействия как бы переносит нас в солнечную Гавану. Праздником молодости повеяло от «Самбы» и «Кубинского карнавала», первой и финальной частей сюиты. Одновременно ее средняя часть «Такая нежность на сердце» столь задумчива и мелодична, что иначе ее и не назовешь.

Беглые заметки, сделанные по ходу концерта, дают право сказать, что в области джаза Герман Лукьянов является серьезным мастером, имеющим свой собственный, порою необычно усложненный почерк, и что инструменталисты «Каданса» — это его единомышленники и помощники.

В заключение пару слов о том, что испортить общее впечатление. Хотя бы из чувства элементарного уважения к слушателям оркестру не следует доверять случайным людям ведение концерта. Безнадёжно запутавшись в названиях произведений, инструментов и даже в именах исполнителей, горе-ведущий не облегчил, а усложнил знакомство слушателей с камерным джазом.

Г. ТЕРПИЛОВСКИЙ,
композитор.

10 августа 1978 г.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕРМЬ
г. ПЕРМЬ